

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Бел)
DOI: 10.52311/2079-3359_2022_3_138

«История белорусской государственности» между Востоком и Западом

Неменский Олег Борисович,

ведущий эксперт Центра координации исследований РИСИ, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

E-mail: nemenski@yandex.ru

Статья посвящена выходу в свет первого тома пятитомного издания «История белорусской государственности», подготовленного Национальной академией наук Беларуси. В нём освещается история с древнейших времён до конца XVIII в. Основное внимание уделяется идейно-политическому наполнению представленного исторического синтеза в свете новых тенденций в исторической политике Белоруссии. Проводится анализ текста на дискурсивные влияния внешних для Белоруссии историографических традиций, в первую очередь польской. Выявляются терминологические особенности описания истории, содержательные акценты и замалчивания тех или иных событий и имён прошлого, политический подтекст поставленных вопросов и научная спорность предложенных трактовок и объяснений.

Цитирование: *Неменский О.Б.* «История белорусской государственности» между Востоком и Западом // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3 (72). С. 138–173.

Ключевые слова

Республика Беларусь

идеология белорусского государства

история белорусской государственности

А. Г. Лукашенко

Институт истории НАН Беларуси

историческая политика

«History of Belarusian state» between the East and the West

Nemensky Oleg Borisovich,

leading expert at the Center for Research Coordination, the RISS, research fellow at the Institute of Slavic Studies under the Russian Academy of Sciences.

E-mail: nemenski@yandex.ru

The article deals with the recent publication of the first volume of the 5-volumed «History of Belarusian state», elaborated by the National Academy of Sciences of Belarus (NASB). The book covers the period from prehistoric age until the end of the XVIIIth century. The focus is on analysis of ideological and political components of the presented historical synthesis in the context of recent tendencies in Belarus's history politics. The author examines the book's text in search for discourse influences from historiographical traditions external for Belarus, especially the Polish one. Specific terminology dealing with history, meaningful accents, omissions of certain events and names of the past, political connotations of various issues, academic disputability of proposed renditions and explanations are all identified here.

Citation: *Nemensky O.B.* «History of Belarusian state» between the East and the West // National Strategy Issues. 2022. No. 3 (72). P. 138–173.

Keywords

Republic of Belarus

national ideology of Belarus

history of Belarusian state

A. G. Lukashenko

Institute of History under NASB

history politics

Институт истории Национальной академии наук (НАН) Беларуси в 2018–2020 гг. выпустил в свет результат своей многолетней работы по современному прочтению национальной истории. Пятитомная «История белорусской государственности»¹ призвана выступить основой для определения официально принятых трактовок прошлого и образцом для дальнейшего написания школьных и вузовских учебников по отечественной истории. Новое издание должно составить фундамент государственной исторической политики и тем самым стать важнейшим фактором формирования национального самосознания граждан страны.

В первом томе² освещается история Белоруссии с древнейших времён до конца XVIII в., т.е. он охватывает большую часть прошлого. Понятно, что и концептуальные основы научного подхода, выбранного авторами, представлены в нём наиболее полно. Трактровка истории Средних веков, несомненно, является важнейшей для определения форм национальной и цивилизационной идентичности, поэтому неудивительно, что именно первый том привлекает к себе особое внимание читателей.

Задача выпуска нового учебника по истории Белоруссии не раз упоминалась в последние годы в связи с неоднократной критикой со стороны президента А. Г. Лукашенко положения дел в области разработки государственной идеологии. Ещё в 2003 г. он поставил цель создания такой идеологии «на своём родном фундаменте», «на своей родной идеологической почве», отметив при этом, что «белорусы не унаследовали от своих предков целостной идеологии независимой государственности»³. Однако с тех пор белорусский лидер не раз отмечал, что эта идеология так и не выработана. Например, в октябре 2014 г. в ходе пресс-конференции А. Г. Лукашенко отметил, отвечая на вопрос российского журналиста об идеологии: «Вот честно вам говорю: ни я не изобрёл этого и не придумал, ни мои помощники. Это с моей точки зрения. Но те, кто занимается идеологией, они считают, что у нас государственная идеология есть. <...> А я говорю,

¹ История белорусской государственности: В 5 т. / Ин-т истории НАН Беларуси; гл. ред. А.А. Коваленя. Минск: Беларуская навука, 2018–2020.

² История белорусской государственности: В 5 т. / Ин-т истории НАН Беларуси; гл. ред. А.А. Коваленя. Т. I: Белорусская государственность: От истоков до конца XVIII в. / Отв. ред. В.Ф. Голубев, О.Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2018. 600 с.

³ Лукашенко А.Г. О состоянии идеологической работы и мерах по её совершенствованию: Докл. 27 марта 2003 г. // О состоянии идеологической работы и мерах по её совершенствованию: Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003. С. 11.

что мне как Президенту она на душу и на сердце не ложится. А как она ляжет простому человеку?»⁴

В конце февраля 2017 г., знакомясь с разработками, выдвинутыми в 2016 г. на соискание Государственной премии в области науки и техники, А. Г. Лукашенко обратил внимание на цикл научных трудов «Истоки белорусской государственности: Полоцкая и Витебская земли в IX–XVIII веках», изданных под редакцией заведующей Центром археологии и древней истории Беларуси Института истории НАН Ольги Николаевны Левко. В них по-новому представлен процесс формирования территорий восточнославянских раннегосударственных образований и их центров. О. Н. Левко рассказала президенту о том, что «белорусская государственность начала формироваться в середине IX века». В обнародованной СМИ видеозаписи этой беседы белорусский лидер призвал отразить данную концепцию в новых учебниках, добавив: «Надо прописать и внедрить в умы наших людей правду. Здесь если и есть какой-то национализм, то это национализм здравый»⁵. О. Н. Левко можно смело назвать основным идеологом нового курса истории, хотя её работа и связана только с первым его томом. Так, на пресс-презентации первого тома издания в минском государственном учреждении «Белпрессцентр» 16 января 2019 г. академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси Александр Коваленя специально поблагодарил О. Н. Левко за то, что она представила саму идею «Истории белорусской государственности» руководству республики⁶.

Разработка новых учебников также связана с заявленной в 2018 г. образовательной реформой: в рамках утверждения нового социально-гуманитарного блока учебных дисциплин вместо курсов «История Беларуси» и «Основы идеологии белорусского государства» должен быть введён единый предмет «История белорусской государственности».

⁴ Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко журналистам российских региональных средств массовой информации 17 октября 2014 г. // Президент Республики Беларусь. Офиц. сайт. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-zhurnalistam-rossijskix-regionalnyx-sredstv-10025/ (дата обращения: 24.03.2020).

⁵ Лукашенко: историю становления белорусского государства нужно достоверно отразить в новых учебниках // БЕЛТА. 2017. 28 февраля. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-istoriju-stanovlenija-beloruskogo-gosudarstva-nuzhno-dostoverno-otrazit-v-novyh-uchebnikah-235365-2017> (дата обращения: 24.03.2020).

⁶ Белорусские учёные презентовали первый том научного издания «История белорусской государственности. Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII века» (видео) // Нац. пресс-центр Республики Беларусь. 2019. 16 января. URL: <http://www.bpc.by/news/3681/> (дата обращения: 24.03.2020).

Понятно, что новая дисциплина должна соединить в себе обе задачи: давать студентам основные сведения по отечественной истории и доносить до них важнейшие постулаты государственной идеологии.

Выпущенный НАН Беларуси в 2018 г. первый том «Истории белорусской государственности»⁷ под редакцией О. Н. Левко и В. Ф. Голубева – результат выполнения распоряжения президента страны о внедрении новых идей в учебную литературу по отечественной истории. «Мы доказали, что Полоцк наравне с Новгородом и Киевом был основополагающим центром при формировании самостоятельных государственных структур в Восточной Европе и Полоцкая земля не входила в состав Киевской Руси. Становление Полоцка в качестве центра государственного образования осуществлялось на местной племенной основе, к нам не приглашали князей из числа варягов, как это было в соседних княжествах. И даже входя в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, наши земли развивались автономно. У нас были свои особенности, экономические, культурные, политические традиции, которые позволяют говорить о том, что жители Полоцкой земли – это основа белорусской народности. Всех этих важных моментов белорусской истории пока не хватает в школьных учебниках, но мы рассчитываем, что в новых изданиях они появятся. Такие предложения Институт истории НАН Беларуси направил в Министерство образования»⁸, – разъяснила профессор О. Н. Левко новый подход.

Её соредактор – профессор Валентин Фёдорович Голубев – известен не только своей научной, но и политической деятельностью вполне определённой идеологической ориентации. Будучи одним из авторов Конституции и Декларации о государственном суверенитете, он также стоял у истоков создания крайне националистического «Белорусского народного фронта», возглавлял его минское городское отделение и в качестве депутата Верховного Совета XII созыва (1990–1995 гг.) был координатором фракции «Оппозиция БНФ». В одном из интервью он так охарактеризовал новый этап развития исследований по истории Белоруссии: «Сейчас у нас происходит

⁷ Редакционную коллегию пятитомника возглавляют академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси доктор исторических наук, профессор Александр Коваленя (главный редактор) и директор Института истории НАН Беларуси кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Данилович (заместитель главного редактора).

⁸ О чём важно написать в новых учебниках по истории? Если копнуть глубже // Беларусь сегодня. 2017. 13 апреля. URL: <https://www.sb.by/articles/esli-kopnut-glubzhe.html> (дата обращения: 24.03.2020).

третья волна развития исторической науки. Она уже учитывает и то негативное, что было в советские времена и то, что было на волне эйфории, когда мы получили независимость»⁹. Такую характеристику можно считать довольно точной. Действительно, в последние годы мы наблюдаем существенные перемены в белорусской политкорректности: советское время всё больше подвергается довольно жёсткой критике, а идеологические наработки, полученные в независимой Белоруссии начала 1990-х гг. (до президентства А. Г. Лукашенко), вновь получили своё развитие и признание. В этих условиях появление В. Ф. Голубева в качестве ответственного соредактора такого труда выглядит вполне закономерным.

Пяти томная «История белорусской государственности» не является учебником для вузов и позиционируется как академическое издание по истории. Однако в целом оно соотносится с характеристиками учебника и выполняет соответствующую роль для студентов исторических факультетов. Более того, пяти томник планируется перевести и издать на английском, белорусском и некоторых других языках.

На синтез белорусской истории, подготовленный 29 авторами с одобрения президента республики, можно смотреть не только как на результат научно-исследовательской работы учёных, но и как на политический текст, воздействующий на процессы формирования национального самосознания граждан страны. «Исследования истории народа и его государственности имеют идеологический аспект», – указывается во Введении. В сопровождающей издание пяти томника статье по исторической политике авторы заявляют о соответствии их научных изысканий государственной идеологии: «Современные исследования учёных Института истории НАН Беларуси осуществляются на основе широкого комплекса археологических материалов и архивных документальных источников в соответствии с принципом историзма и национально-государственной идеологией Республики Беларусь». В связи с этим они призваны соответствовать двум основным задачам: формировать «собственно белорусский взгляд на историю Беларуси и историческое мировоззрение белорусского народа» и в результате «содействовать укреплению белорусской государственности»¹⁰. Всё это должно быть направлено на достижение

⁹ Голубев: Студенты думают, что Скорина придумал Правила дорожного движения // Еврорадио. 2012. 24 января. URL: <https://euroradio.fm/ru/golubev-studenty-dumayut-cto-skorina-privdumal-pravila-dorozhnogo-dvizheniya> (дата обращения: 24.03.2020).

¹⁰ К вопросу об исторической политике / А. Коваленя, В. Арчаков, В. Данилович, А. Баньковский // Беларуская думка. 2019. № 8. С. 6.

главной цели – создание «необходимого образа прошлого белорусов и их соседей, который станет мощным фактором консолидации общества»¹¹.

В настоящей статье основное внимание будет уделено именно идеологическим аспектам нового исторического синтеза – всему тому, что составляет часть исторической политики и отражает актуальные тенденции в развитии идеологии белорусской государственности.

Повествование в книге построено *телеологически*, т.е. всё историческое развитие должно определить факт обретения Республикой Беларусь государственного суверенитета, «о котором мечтали многие поколения лучших представителей белорусского народа»¹². Во главу угла положена «идея теоретического обоснования белорусской государственности». Важнейшим идеологическим принципом, заявленным авторами, выступает признание «незыблемости права белорусского народа на осуществление собственной национальной государственности», а «высшим ценностным ориентиром такой идеологии» объявляется государственный суверенитет. Подобная манифестация идеологических мотиваций непривычна для российского восприятия, но вполне гармонично вписывается в контекст белорусской учебной литературы.

Задача поиска в многовековой истории процесса формирования государственности, де-факто предоставленной внешним политическим центром только в XX в., потребовала существенных теоретических и терминологических нововведений. Идеологическая задача вполне понятна: требуется доказать, что Республика Беларусь образовалась не по прихоти московских руководителей и вследствие распада Советского Союза, а стала закономерным результатом длительного исторического процесса. Ровно с такой же задачей сталкиваются и представители ряда других историографий постсоветских стран. Однако обычно она решается за счёт описания истории формирования народности, складывания национального самосознания, к которому уже на поздних этапах добавляется тема борьбы за свою государственность. В случае с белорусами эта задача оказывается гораздо сложнее, так как явных свидетельств распространения белорусского национального самосознания и национально-освободительных тенденций до конца XIX – начала XX в. не обнаруживается, а утвердившееся много столетий назад русское самосознание для обоснования факта белорусской государственности

¹¹ К вопросу об исторической политике. С. 11.

¹² История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 3.

объективно не подходит. Выход авторами рассматриваемого труда был найден весьма оригинальный, хотя, несомненно, и очень спорный.

Новое понятие государственности

Всю отечественную историю авторы тома предложили рассматривать как историю государственности. Проблему её фактического отсутствия решено обойти за счёт нового определения этого феномена. «Методологическим фундаментом осмысления проблемы государственности стала сформулированная коллективом учёных Института истории НАН Беларуси принципиально новая трактовка дефиниции “государственность”»¹³. Она рассматривается как «внутренняя потенциальная способность этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающая право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития». Государство же при таком подходе определяется как «конкретно-историческое воплощение потенциала государственности»¹⁴. Как пишут авторы труда, «новая трактовка дефиниции “государственность” – это значительное научное достижение отечественной исторической науки, которое имеет принципиально важное значение для дальнейшей разработки идеологии белорусской государственности»¹⁵. Таким образом, открыто признаётся именно идеологический, а не научный характер этого «открытия».

Данное определение представляется очень сомнительным, так как обозначенная «внутренняя потенциальная способность» логично предполагает вопрос «способность к чему?». Он, однако, остаётся без ответа. Указаны лишь две характеристики: эта способность свойственна «этнонациональному сообществу и его элите», и она «обеспечивает право и возможность» существования. Ясно только, что это способность к чему-то очень большому и значимому, до определения чего авторы пока не дошли. Поскольку она придаёт внушительные жизненные силы для многовекового развития, было бы очень ценно её выявить и определить. Но на представленном этапе теоретических исследований «государственностью» называется способность как таковая.

¹³ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 6.

¹⁴ Помимо обсуждаемого издания, это определение дословно повторено в сопутствующих ему статьях: Данилович В. Концепция истории белорусской государственности // Наука и инновации. 2018. № 11 (189). С. 10; К вопросу об исторической политике. С. 5.

¹⁵ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 6.

Не разъяснены и такие её характеристики, как «внутренняя» и «потенциальная». Что можно понимать под альтернативной ей «внешней потенциальной способностью»? Каковы границы самой потенциальности? Когда и в каких условиях она возникает и сохраняется ли это качество способности в ситуации уже обретенной национальной государственности? Эти вопросы отнюдь не праздные, так как касаются теоретической основы данного описания белорусской истории.

Стоит всё же обратить внимание на то, что догосударственные человеческие сообщества также, судя по всему, характеризовались длительным самостоятельным существованием и развитием. Кроме того, оно было гораздо продолжительнее и намного более обособленным от других человеческих сообществ. Чего же им не хватает, чтобы применить к ним новое белорусское определение термина «государственность»? Как устанавливается, что у них не было этой самой способности? Помимо этого, понятие «потенциальная способность» предполагает, что данной способности как таковой ещё нет, но она потенциально должна возникнуть, а это как нельзя лучше подходит для обществ родо-племенного строя, а не для современных белорусов или других государственных народов.

Ещё большие сомнения вызывает обозначение субъекта этих способностей – «этнонационального сообщества и его элиты». Данный подход предполагает, что до появления государственности (как способности к чему-то) уже должен существовать её субъект, характеризующийся как «этнонация». Таким образом, процесс формирования белорусской этничности и даже основанной на ней нации должен иметь отношение к периоду до начала истории государственности. Учитывая то, что история белорусских форм государственности в книге начинается со второй половины IX в.¹⁶, можно утверждать, что весь этот процесс относится авторами к доисторической эпохе. Данный тезис подтверждается и тем, что в последующем описании истории белорусы как этнос и Беларусь как страна фигурируют в качестве исторического факта в любых столетиях. Так, характерное почти для любых других национальных историографий рассмотрение истории как процесса складывания своей особой народности и обретения ею национальных качеств в настоящей книге теоретически выведено за пределы истории как таковой.

Контрастирует с данным подходом изредка обозначаемая задача «изучения процесса формирования белорусского этноса»¹⁷. Впрочем,

¹⁶ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 9, 152.

можно говорить о продолжении формирования и уже существующего явления. Однако ещё большее сомнение вызывает утверждение, что «самостоятельная этносоциальная общность – белорусская народность» сложилась только в XIV–XVI вв.¹⁸ Исходя из данного авторами определения, древнее Полоцкое княжество ознаменовало первый период существования белорусской исторической государственности, субъектом которой является «этнонациональное сообщество». Каким образом этнонация к XIV в. сформировалась в этносоциальную общность (т.е. в общем-то деградировала, утратив национальный характер), остаётся необъяснённым. Возможно, такие противоречия связаны с наличием у обсуждаемого текста ряда авторов, вряд ли во всём друг с другом согласных. Однако представляется, что задача редакторов состоит именно в приведении этих точек зрения в более цельную конструкцию.

Вызывает также некоторое удивление двойственность основного субъекта, фигурирующего в предложенном определении, – «этнонационального сообщества и его элиты». Элита, с одной стороны, имеет прямое отношение к этому сообществу, составляя с ним единый субъект потенциальных способностей, но, с другой – не является его частью. К сожалению, дальнейшие теоретические рассуждения по поводу такой двойственной природы элиты в настоящем издании отсутствуют, как нет и отсылки к каким-либо внешним публикациям авторов на эту тему. Однако трудно избавиться от ощущения, что за таким определением скрывается исторически обусловленная специфика белорусского восприятия элит. Возможно, в данном случае мы сталкиваемся не столько со строго научной формулировкой, сколько с проявлением в словоупотреблении особенностей местного менталитета¹⁹.

«Белорусская государственность как неразрывное целое в процессе эволюции» имеет свои «воплощения» в виде исторических и национальных форм. В качестве «исторических форм» выделяются следующие: «Киевская Русь, Полоцкая земля и Туровское княжество, Великое Княжество Литовское (ВКЛ), Руское и Жемойтское, Речь Посполитая, Российская империя». Все они характеризуются

¹⁸ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 12.

¹⁹ Очень точно ситуация оторванности элит от основной массы местного населения, исторически характерная для Белоруссии, описана Юрием Шевцовым: «Практически всегда после очередного опустошения культурная самоидентификация политического класса Беларуси резко изменялась. А вместе с нею обычно изменялись политическая культура, язык, принятый в среде политического класса, историческое самосознание и конфессиональная принадлежность». См.: *Шевцов Ю.В. Объединённая нация. Феномен Беларуси. М.: Европа, 2005. С. 12.*

своей полиэтничностью. Первой «национальной формой государственности» признаётся Белорусская Народная Республика, а за ней следуют Социалистическая Советская Республика Белоруссия, Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика и Республика Беларусь. Относительно «исторических форм» ставится задача «выявления влияния (как позитивного, так и негативного) этих государственно-политических образований на развитие белорусской государственности»²⁰, т.е. изучения влияния государств, в которых жили белорусы, на их государственность. Такое словопотребление кажется тавтологичным и абсурдным, если не принимать во внимание новое определение государственности, предложенное в настоящем издании. Вместе с тем вызывает сомнение обозначение данных «форм государственности» как «исторических» и «национальных», ведь из этого логически следует непризнание исторического характера за белорусскими национальными формами. Впрочем, есть немало исследователей, которые поддержат такую трактовку.

В целом нужно констатировать, что «существенное достижение отечественной исторической мысли»²¹, как характеризуется новое определение понятия «государственность», пока что вызывает больше вопросов, чем даёт ответов. Остаётся надеяться, что оно будет уточнено следующими поколениями белорусских учёных.

При этом надо отметить одну важнейшую особенность описания истории, которая вытекает из обозначенного методологического подхода: из истории изымается традиционный субъект современных историографий – народ, а на его место ставится государственность в её специфическом определении. Народ признаётся носителем государственности как потенциальной способности, однако пишется история именно государственности. Это принципиальным образом изменяет всё повествование: вместо истории белорусов описывается история тех государств, в составе которых они пребывали. Это не национальная история, а государственная, с привязкой к территории современной Республики Беларусь и просто аксиоматически заявляемой связью с местной восточнославянской этничностью.

Данный подход также основан на своеобразии декларируемой идентичности – как исходящей не из этнонациональных признаков, а из факта гражданства: «Сущность белорусской национальной идеи зиждется на понимании того, что все мы – граждане Республики

²⁰ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 10.

²¹ Данилович В. Концепция истории белорусской государственности. С. 10.

Беларусь»²². Примат гражданской идентичности как формирующей нацию в наши дни распространяется авторами на всё описание истории, определяя в первую очередь внимание к государственным процессам. Это заметно и по постоянным проявлениям в тексте своего рода патриотизма к наличным формам «исторической государственности» той или иной эпохи. Белорусы нигде не выступают в оппозиции или конфликте с ними (ведь все государственности признаются своими)²³, поэтому как субъект самостоятельного действия просто отсутствуют.

Выбранный авторами подход означает радикальный разрыв со старыми линиями белорусской историографии – от пророссийского западнорусизма до пропольского литвинизма, которые видели местное прошлое как многовековую борьбу народа с чуждыми государственностями за своё самоопределение. Тем не менее такое описание истории идеологически целесообразно, поскольку служит вполне очевидной и нескрываемой цели – воспитанию гражданской лояльности.

Свои начала

Задача отстаивания суверенитета Республики Беларусь порождает запрос на доказательства отсутствия какой-либо общности с русскими в давние периоды истории, а также равнозначности местной государственной традиции с великорусской и украинской. Основное внимание в этом отношении уделено древнерусскому периоду и советской концепции братского происхождения трёх восточнославянских народов от единой древнерусской народности.

Полоцк, наряду с Киевом и Новгородом, назван одним из «ключевых государствообразующих центров восточных славян»²⁴. Однако полоцкая государственность при данном подходе существенно отличается от двух других, так как не имела такого фактора, как пришлый варяжский элемент. «В месте её размещения не зафиксировано присутствие варягов», что свидетельствует о «самостоятельном формировании раннегосударственного центра Полоцкой земли без

²² История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 5.

²³ В этом плане вызывающим удивление исключением оказывается Российская империя, восстания против которой как раз признаются для белорусов своими. См.: История белорусской государственности: В 5 т. / Ин-т истории НАН Беларуси; гл. ред. А.А. Коваленя. Т. II: Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Н.В. Смехович, А.В. Унучек, Е.Н. Филатова. Минск: Беларуская навука, 2019. 413 с.

²⁴ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 147.

вмешательства извне»²⁵. Этому, впрочем, несколько противоречит признание того, что князь Рогволод, судя по источникам, «пришёл из заморья»²⁶. С утверждением правления династии Рогволодовичей на рубеже X–XI вв. Полоцкое княжество «окончательно стало на путь независимого развития»²⁷. Оно объявляется «колыбелью белорусской государственности», её «истоком»²⁸. В интервью со-редактор первого тома «Истории белорусской государственности» В. Ф. Голубев даже заявил, что «Полоцкое княжество – это государство белорусское»²⁹, хотя в самом тексте такой формулировки всё же нет. Династия полоцких князей «доказала свою состоятельность в государственном строительстве» и внесла «неоценимый вклад в развитие основ суверенитета белорусских земель»³⁰. При этом не отрицается, что другие земли будущей Белоруссии входили в состав «Киевской Руси».

Особое внимание авторы уделяют опровержению гипотезы о формировании древнерусской народности. Они признают, что предпосылки для появления такой «историко-культурной общности» действительно складывались, но не могли завершиться в силу политических обстоятельств («политическое противостояние правителей Полоцкой земли и Киевской Руси»³¹) и языковых различий³². В результате «обозначившееся культурно-хозяйственное сближение населения раннегосударственных образований... не привело к складыванию единой восточнославянской народности»³³.

Таким образом, общность с будущими русскими и украинцами отрицается и на государственном, и на этническом уровне. Разные восточнославянские народы вырастали из разных этнических и государственных корней. Остаётся, правда, необъяснённым вопрос о белорусском самосознании: почему оно оказалось по крайней мере созвучным (в корне «рус») с этнонимом, распространившимся у других восточных славян?

²⁵ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 126, 166, 174.

²⁶ Там же. С. 177.

²⁷ Там же. С. 147.

²⁸ Там же. С. 158.

²⁹ Осмоловский А. Историк Валентин Голубев: Нашему народу давно была нужна «История белорусской государственности» // Комсомольская правда. 2019. 18 января. URL: <https://www.kp.by/daily/26931.7/3980897/> (дата обращения: 24.03.2020).

³⁰ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 189.

³¹ Там же. С. 156.

³² Там же. С. 154.

³³ Там же. С. 156.

Тем не менее рассуждения о балтском или балтославянском происхождении белорусов, свойственные радикально-националистической традиции белорусской мысли, в этой книге отсутствуют. Отнесение белорусов к восточным славянам – важный идеологический маркер, свидетельствующий о том, что авторы не разделяют концепции радикального литвинства, отрицающего славянский характер этничности белорусов. О славяно-балтийском синтезе говорится в части ранней истории Белорусского Поманья, основным населением которого во второй половине I тыс. н.э. признаются балты³⁴. Однако при этом утверждается процесс ассимиляции балтов, который проходил в основном в IX–XI вв.³⁵ «Славянский патриотизм», многократно заявляемый президентом А. Г. Лукашенко, по-прежнему остаётся сферой принципиального расхождения официальной историографии с прозападной оппозиционной.

Великое княжество Литовское

Великое княжество Литовское занимает особо значимое место в рецензируемой книге как важнейшая форма белорусской государственности. Оно даже именуется «империей»³⁶. Авторы в первую очередь выступают с критикой всей советской историографии, в которой ВКЛ якобы и не упоминалось, «как будто такого государства и не было, а Беларусь просто самостоятельно существовала в пространстве и времени, ожидая своего присоединения к Российской империи»³⁷. Этот укор предыдущим поколениям историков можно объяснить разницей в выбираемых субъектах исторического процесса: советские историки в своё время не успели ознакомиться с новыми белорусскими понятиями о государственности, поэтому писали историю белорусского народа, а не Литовского княжества. Однако в данном случае мы, очевидно, имеем дело не с научной, а с политически мотивированной критикой советской историографии.

Досталось и старым русским историкам: «Изучение российской историографии XVI–XVIII вв. показывает, что история ВКЛ в официальной идеологической концепции правящих кругов Российского государства рассматривалась сквозь призму исторического единства “культурных, политических и конфессиональных традиций восточных славян”. Посредством такого подхода российское правительство с помощью российской официальной историографии

³⁴ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 227.

³⁵ Там же. С. 228, 399.

³⁶ Там же. С. 42.

³⁷ Там же. С. 38.

“научно обосновывало” утверждение, что именно они выступают единственными законными преемниками древнерусского политического, культурного и церковно-религиозного наследия»³⁸. Однако представляется загадочным, что же в этом не устраивает нынешних идеологов Белоруссии, если они отрицают какие-либо корни белорусской государственности в Древней Руси? А само по себе наличие общих традиций у восточных славян вроде бы признают и авторы книги. Более того, наверняка не случайно этот труд выпущен на русском языке. Очевидно, здесь имеет место идеологическое раздражение от любого упоминания об общности русского населения ВКЛ с русским населением Северо-Восточной Руси.

Российская историография XIX в. критикуется также за то, что она якобы была основана на теории «официальной народности»: «С точки зрения этой идеологии для России исторически справедливым было “возвращение” в лоно империи всех “русских” или православных территорий ВКЛ и Речи Посполитой». Российские историки утверждали, что «с подписанием Кревской унии ВКЛ с Польшей население “западнорусских земель” стало ощущать иноземное притеснение и утратило своё первенство в государстве»³⁹. Однако основное острие критики направлено всё же на советскую историографию, которая обвиняется в отрицании «наличия основательных традиций государственности у белорусов в XIII–XVIII вв.»⁴⁰. Авторы с сокрушением пишут, что «до 1990-х гг. белорусские историки фактически пользовались схемой образования Великого Княжества Литовского (признавая её или не признавая), предложенной из Москвы»⁴¹.

В качестве историографической альтернативы авторы «Истории белорусской государственности» предлагают линию описания ВКЛ, заданную польскими историками Виленского университета первой трети XIX в. «Первой профессиональной работой по истории образования ВКЛ» признаётся книга одного из крупнейших польских историков того времени И. Лелевеля⁴². Таким образом, авторы рассматриваемого труда подчёркнуто отворачиваются от идейных особенностей старой русской и советской историографий, предпочитая им польскую.

Заслуга в революционном развороте белорусского изучения ВКЛ признаётся за Н. И. Ермоловичем, который «выступил против

³⁸ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 44.

³⁹ Там же. С. 46.

⁴⁰ Там же. С. 53.

⁴¹ Там же С. 49.

⁴² Там же. С. 46.

навязанного советской историографией утверждения, что ВКЛ было чужим для белорусов государством», а также «с критикой концепции образования ВКЛ в результате военных завоеваний литовцев»⁴³. При этом ценность таких идей определяется авторами не в научном, а в чисто идеологическом ключе: «Ермолович сделал то, что делают и сейчас польские и литовские исследователи: используя имеющийся материал, стараются изложить исторические события с точки зрения интересов своего государства, своего этноса»⁴⁴. Такой «научный» подход заявляется авторами данного академического издания как своего рода основной принцип добропорядочного белорусского историка.

Тезису, согласно которому «отношения белорусов и литовцев – представителей этносов, которые стали основателями ВКЛ, никогда не были отношениями завоевателей и поработанных»⁴⁵, придаётся важнейшее идеологическое значение. Правда, не совсем понятно, как это соотносится с приведённым здесь же утверждением, что «точно определить, как происходила первоначальная организация Великого Княжества Литовского, на сегодняшний день невозможно»⁴⁶. Кроме того, для этой темы существенный вопрос состоит в том, как процесс образования ВКЛ (и, соответственно, отношения между литовской верхушкой и русскими землями) описывался историками самого ВКЛ, как он воспринимался его интеллектуальной и политической элитой⁴⁷. Очень значимым авторам также представляется утверждение, согласно которому «не Москва, а Вильня, Великое Княжество Литовское в то время объединяло Русь»⁴⁸. Оно вынесено в отдельный абзац, выделенный курсивом. В какое именно время, точно не указано, но, судя по контексту, это XIV–XV вв. Утверждение неадекватное, так как и Москва объединяла часть Руси, и Вильна, и даже Краков отчасти тоже объединял. Но авторам издания, очевидно, важно утвердить, что под Москвой были не русские земли, а это может иметь обоснование только в логике польской историографической традиции, признававшей восточной границей Руси пограничье с Московским княжеством.

⁴³ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 49.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 232.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См. об этом статью в настоящем номере журнала: *Флоря Б.Н.* Образование Великого княжества Литовского в официальной историографии этого государства XVI в. и в представлениях современных белорусских учёных // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3 (72). С. 174–182.

⁴⁸ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 243.

Есть и другие несуразности. Так, в одних фрагментах текста ВКЛ рассматривается как «биэтническое государство», которое характеризовалось «господством двух этносов – литовцев (литвин) и белорусов (русин)»⁴⁹, в других говорится о том, что ВКЛ «являлось полиэтническим государством»⁵⁰, а за белорусами и литовцами признаётся только статус этносов-основателей. Спорным выглядит и различие «основы» и «ядра» государства, которые разводятся территориально. «Ядром» признаются Виленское и Трокское воеводства⁵¹, а «основой» – «белорусские территории и белорусское население»⁵². Хотелось бы увидеть определения этих понятий. Логично предположить, что, размещая политический центр княжества в этнически литовских землях, власть именно в них и усматривала свою основу.

Примечательно, что тема полонизации шляхты ВКЛ до Люблинской унии почти отсутствует. Речь идёт о «шляхте белорусских земель», которая выступает, очевидно, как носитель исторической белорусской государственности. Используется также термин «белорусская шляхта», однако по нему невозможно определить, слово «белорусская» имеет отношение к этносу или к территории. О начале «постепенной полонизации местной шляхты» говорится только применительно к концу XVII в.⁵³, когда эти процессы были в целом давно завершены. Проникновение католической польской культуры в верхи местного общества началось после Кревской унии и ко второй половине XVI в. зашло уже очень далеко. Если игнорировать этот процесс, трудно объяснить сам факт заключения унии в 1569 г., равно как и способ её заключения и сопутствовавшую ей территориальную аннексию. Но в данном случае мы, очевидно, имеем дело с принесением истории в жертву «интересам своего государства»⁵⁴, ведь требуется описать ВКЛ как в основном белорусскую государственность. Во имя этой цели даже отрицается факт распространения польского самосознания шляхетского «политического народа» единой Речи Посполитой: «В Беларуси же в середине XVII в. ... не было причин считать шляхту ВКЛ польской»⁵⁵.

⁴⁹ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 246.

⁵⁰ Там же. С. 248.

⁵¹ Там же. С. 250.

⁵² Там же. С. 248.

⁵³ Там же. С. 407.

⁵⁴ Там же. С. 49.

⁵⁵ Там же. С. 438.

Зато важнейшей темой в описании истории Великого княжества Литовского становится защита его суверенитета. Целый ряд глав первого тома издания так и называется: «Борьба ВКЛ за государственный суверенитет в конце XIV – середине XVI в.», «Борьба за суверенитет ВКЛ после Люблинской унии», а также многие параграфы, например «Борьба за суверенитет», «Отстаивание государственной независимости». Так у читателя формируют политически уместное представление, что главная историческая ценность – суверенитет белорусской государственности. Идеологическая задача авторов понятна: путём присвоения белорусского исторического статуса всем государствам, в состав которых входили земли современной Белоруссии, утвердить у граждан страны новое государственное самосознание.

В целом взаимоотношения с Польшей в истории описываются как неконфликтные и даже весьма полезные для белорусской государственности. Правда, иногда делаются оговорки вроде: «Однако не стоит идеализировать отношения между Великим Княжеством и Польшей в этот период»⁵⁶, «Государственный союз с Королевством Польским... конечно, не был безоблачным»⁵⁷. Тем не менее общего впечатления они не меняют.

Немало места отведено проблеме «доминирования на Руси»⁵⁸. Москва признаётся «основным соперником в борьбе за русские земли»⁵⁹, хотя остаётся непонятным, какое отношение к Руси и русским землям имеет государственность Литовского княжества, якобы исторически наследовавшая самостоятельному Полоцкому княжеству, в Русь не входившему.

При описании всей внутренней и внешнеполитической истории неизменно делается акцент на задачах защиты от Москвы, а также на нескончаемых бедах, приносимых российскими вторжениями и политическими действиями. Указывается, что инициатором войн между двумя великими княжествами была именно Москва⁶⁰. Чувственно описывается, как в начале XVI в. «Смоленщина и современные белорусские земли... мужественно защищались», причём «оборона осуществлялась силами не только государства, но и самих местных жителей»⁶¹. Московская агрессия названа основной

⁵⁶ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 329.

⁵⁷ Там же. С. 340.

⁵⁸ Там же. С. 353.

⁵⁹ Там же. С. 347.

⁶⁰ Там же. С. 342.

⁶¹ Там же.

причиной сближения ВКЛ с Польшей: «Военное давление Москвы с течением времени только усиливалось. Великое Княжество Литовское постепенно теряло территории, слабло и в результате было вынуждено “дрейфовать” в сторону более тесного союза с Польшей»⁶². При этом главной целью ВКЛ признаётся «объединение (полное подчинение) земель Северо-Восточной Руси под своим началом», ради чего предпринималась «экспансия в восточном направлении»⁶³. Очевидно, эта экспансия не имела характера агрессии. В целом «внешняя политика ВКЛ была направлена на умиротворение противника»⁶⁴, так как княжество «изначально заняло оборонительно-пассивную позицию», а его политической элите были свойственны «пацифистские настроения»⁶⁵.

Автор высказывает сожаление, что «если бы Витовт сумел посадить на ордынский престол своего верного союзника Тохтамыша, то они вместе с Орденом смогли бы разгромить Москву, и тогда ВКЛ стало бы единственным и полноправным хозяином на “русских” землях... На повестке дня мог даже возникнуть вопрос уничтожения Москвы как центра объединения “русских” земель»⁶⁶. Терпевшая поражения элита ВКЛ обвиняется в том, что она «проявила политическую слепоту», хотя ситуацию «можно было бы переломить», а господарская Рада стремилась к примирению с Москвой, «невзирая на интересы суверенитета государства»⁶⁷. Стоит отметить, что никакие другие исторические темы и события не вызывают у авторов таких публицистических пассажей, как отношения с Россией.

Кревская уния признаётся не унией, а «соглашением» и «династической сделкой», так как она «совсем не похожа на договор двух равных государств»⁶⁸. В отличие от неё Люблинская называется «реальной унией», так как в её рамках «суверенитет союзных государств безусловно может сохраняться»⁶⁹. Таким образом, унии 1569 г. даётся довольно позитивная оценка – как «межгосударственному союзу»⁷⁰, сохраняющему даже возможность проведения ВКЛ

⁶² История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 343.

⁶³ Там же. С. 348.

⁶⁴ Там же. С. 355.

⁶⁵ Там же. С. 356.

⁶⁶ Там же. С. 343–344.

⁶⁷ Там же. С. 360.

⁶⁸ Там же. С. 327.

⁶⁹ Там же. С. 369.

⁷⁰ Там же. С. 372.

самостоятельной внешней политики⁷¹. Уния была заключена «на идее равенства и полного равноправия государств»⁷², а сам акт-договор Люблинской унии стал «гарантией правовой субъектности ВКЛ»⁷³. Главный вывод звучит следующим образом: «Наши предки смогли отстоять, хоть и частично, суверенитет Великого Княжества Литовского, Руского и Жемойтского в государственно-правовом союзе с Королевством Польским»⁷⁴.

Такая характеристика унии 1569 г. вызывает сильное удивление. Факт её заключения основывался на дарении Польской Короне ВКЛ как наследной вотчины великого князя (п. 3 и 4 акта Люблинской унии), а влияние местной шляхты на общем сейме сводилось к минимуму за счёт аннексии большей части территорий Великого княжества в пользу Короны перед её заключением. Вынужденный и унижительный характер этого акта подчёркивали ведущие представители княжества в своих сеймовых речах, прекрасно известных всем историкам. Игнорирование насильственного, неправового характера Люблинской унии, несомненно, является не вольной трактовкой, а политически мотивированным умалчиванием. Оно заставляет задуматься, насколько далеко могут пойти пропольские политические настроения у современной белорусской интеллигенции⁷⁵. Такая предвзятость важна и для обозначения Московского государства как «наиболее опасного соседа»⁷⁶.

Формирование белорусской народности

Отдельно стоит остановиться на характеристике процессов «формирования белорусской народности», начало которых авторы труда связывают с «появлением первых государственных образований на территории Беларуси»⁷⁷. При этом утверждается, что «основные черты белорусской народности проявились уже в XIV–XVI вв.»⁷⁸,

⁷¹ В другом фрагменте текста, впрочем, утверждается прямо обратное: «...провозглашалась общая внешняя политика, и говорить о суверенитете ВКЛ в сфере международных отношений не приходится». См.: История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 391. Однако в данном случае мы имеем дело с текстами разных авторов: первый написал А.А. Радаман, второй – В.А. Подолинский.

⁷² Там же. С. 374.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 383.

⁷⁵ См.: Неменский О.Б. Союз поневоле. Люблинская уния: «братские узы» агрессора и жертвы // Информ. войны. 2012. № 2 (22). С. 59–68.

⁷⁶ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 392.

⁷⁷ Там же. С. 399.

⁷⁸ Там же.

развиваясь «в контакте с культурами соседних народов: украинского, литовского, польского и русского»⁷⁹.

Эти констатации вызывают немало вопросов и подозрений в политически мотивированной модернизации. Трудно представить, как формирование народности может начинаться за полтысячелетия до проявления её основных черт, ведь, казалось бы, именно по этим чертам мы и можем судить о её возникновении. Кроме того, утверждение о столь древнем существовании отдельных украинского, белорусского и русского народов требует хоть какой-то доказательной базы. Современными историками не раз подчёркивалось, что говорить о появлении протобелорусской идентичности можно лишь при констатации осознания южной этнической границы (с украинцами)⁸⁰, а собственно белорусское самосознание устанавливается по факту массового распространения белорусского этнонима. Ни то ни другое не только не доказывается, но даже и не упоминается. Становление белорусского самосознания должно быть подтверждено хоть какими-то текстами, авторы которых называют себя белорусами. Иначе мы оказываемся в давно ставшей анекдотичной ситуации, когда говорится об украинском самосознании людей, которые «ещё просто не знали, что они украинцы, и потому называли себя русскими»⁸¹. Однако далее даются примеры наличия русского самосознания (называли себя «русскими, русинами» и язык свой – «русским»⁸²), но так и не приведены примеры, относящиеся к собственно белорусской идентичности.

Существование белорусского этноса, пусть и в стадии формирования, утверждается авторами по крайней мере с IX в. без предъявления какой-либо доказательной базы или хотя бы ссылки на соответствующие исследования. Они пишут, что «этническое самосознание белорусов сформировалось позже остальных этнических признаков», однако всё же признают, что «внешней формой его проявления является самоназвание»⁸³ и что «самосознание – важнейшее

⁷⁹ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 404.

⁸⁰ См.: *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени // *Россия – Украина: История взаимоотношений* / Отв. ред. А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1997. С. 23.

⁸¹ Замечательно выражена эта мысль в основном идеологическом труде в то время действовавшего президента Украины Леонида Кучмы: «В их время украинское сознание ещё не пробудилось настолько, чтобы они подчёркнуто считали себя украинцами...» См.: *Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. М.: Время, 2003. С. 159.

⁸² История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 411.

⁸³ Там же.

качество народности, наличие которого является главным свидетельством существования этнического сообщества и показателем уровня консолидации народа»⁸⁴.

На фоне последних утверждений (с которыми вряд ли можно спорить, так как они абсолютно адекватны современным представлениям о природе этничности) авторы дают целый ряд констатаций отсутствия белорусского этнического самосознания в те годы: «Для населения ВКЛ данного периода было характерно не соотнесение себя с конкретным этносом, а с территорией проживания, происхождением, вероисповеданием и государственной принадлежностью»⁸⁵. Так, значит, этнического самосознания всё же не было?

«Для XVI–XVIII вв. принадлежность к определённому народу – это принадлежность политическая... Самосознание жителей ВКЛ имело скорее политический, социальный, а не этнический характер»⁸⁶. И к XIX в. белорусы тоже «не имели чётко обозначенного самосознания»⁸⁷. Получается, что этническое самосознание всё формировалось, а потом вдруг оказалось утраченным.

Авторы говорят о «принадлежности к “русскому народу”, история формирования которого берёт начало в Киевской Руси, причём объединяющим фактором тут выступала православная церковь»⁸⁸. Но, во-первых, остаётся непонятным, откуда же взялся «русский народ» в государственности, которая, как утверждается, никогда никакого отношения к Руси не имела. А во-вторых, где же тут собственно «становление и развитие белорусской народности»?⁸⁹

О белорусской идентичности авторы пишут: «Термин “Белая Русь” не использовался до середины XVII в. местными жителями для самоидентификации»⁹⁰. «Этноним “беларусы”, хотя и был широко известен... осмысливался как топоним»⁹¹. Однако если какое-то наименование воспринималось и употреблялось как топоним, на каких основаниях можно его трактовать как этноним? Надо полагать, что не на научных. Мы имеем дело с вполне очевидным случаем идеологического жонглирования фактами. В другом фрагменте

⁸⁴ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 411.

⁸⁵ Там же. С. 412.

⁸⁶ Там же. С. 414.

⁸⁷ Там же. С. 410.

⁸⁸ Там же. С. 415.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 412.

⁹¹ Там же. С. 413.

текста читаем о ситуации в XV в.: «...как раз в это время у значительной части белорусского общества начало формироваться понимание своей православности и отсюда – белорусскости»⁹². Понятно, что никаких объяснений, почему «православность» предполагает ассоциацию с таким узким региональным топонимом, как Белая Русь, авторы не дают.

Приведём ещё один характерный пример. Авторы упоминают о записи, оставленной Соломоном Рысинским при поступлении в Альтдорфский университет в 1586 г., в которой он назвал себя *Leucorussus*, а также употребил слово *Leucorussi*, говоря о них наравне с москвитами и литовцами в одном из своих писем. Отсюда делается вывод: «Таким образом, уже в конце XVI – начале XVII в. С. Рысинский выделял белорусов как самостоятельный этнос»⁹³. На чём основано столь смелое утверждение? Региональное название «Белая Русь» тогда было хорошо известно, а студенты университетов всегда записывались по землячествам – по регионам, откуда они приезжали. Что в таком словоупотреблении собственно этнического? Это лишь констатация, что С. Рысинский прибыл из Белой Руси. Кстати, употреблённое им наименование «литовцы» также, очевидно, имело не этническое значение, а региональное – применительно к людям, проживающим на землях западнее Березины. На каких основаниях данным словам придаётся этнический смысл, остаётся неясным. А вывод о «выделении белорусов как самостоятельного этноса» абсурден, так как навязывает С. Рысинскому анахроничные ему понятия.

Неточным представляется и утверждение, что в актах Российского государства первой половины XVII в. упоминаются «белорусы» – «жители Полоцкого, Мстиславского, Оршанского и некоторых других восточнобелорусских воеводств и поветов». Как было установлено историками ещё в XIX в. (такими, как А. А. Потебня, М. С. Грушевский), в лексике московского двора в то время было распространено слово «белорусцы», однако оно употреблялось применительно ко всем православным жителям земель Речи Посполитой и нередко в отношении выходцев с современных украинских территорий, в том числе казаков⁹⁴.

Всё это наводит на мысль о пропагандистской доминанте текста, исходящего из типичной для ранней националистической литературы

⁹² История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 419.

⁹³ Там же. С. 413.

⁹⁴ Об этом см.: *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени. С. 21–23.

национализации прошлого. Факт существования современной нации попросту утверждается в любых столетиях, а иногда и в доисторическую эпоху из идейно-патриотических соображений. Место ли такому подходу в современном академическом издании по истории?

То же касается и «белорусского литературного языка в XV–XVI вв.»⁹⁵. В книге смешаны упоминания об официальном языке ВКЛ (который авторы, следуя советской традиции, называют «старобелорусским») и формировании региональной специфики народной речи. Указывается, что к концу XVI в. «проявились все морфологические особенности белорусского языка, которые характерны для него на современном этапе», приводятся «дзеканье», «цеканье», «аканье», «яканье» и некоторые другие фонетические черты, достаточные для констатации наличия особого местного говора, но даже не для наречия, а тем более языка. При этом речь идёт об официальном языке, носителе высокой культуры и письменной традиции, в котором все указанные особенности никак проявлены не были.

Кроме того, обозначение местной нормы старорусского языка («простой мовы») белорусским может вводить в заблуждение, так как создаёт впечатление о наследовании ему современного белорусского языка. Однако он формировался за счёт нормализации сельского диалекта, а не путём развития того средневекового языка⁹⁶. Авторы перенимают у критикуемых ими историков советской эпохи наименование этого языка («старобелорусский»), но нигде не поясняют условность такого обозначения. Здесь налицо территориальная подтасовка: понятие «Белой Руси» отождествляется с территорией современной Республики Беларусь, однако для XV–XVI вв. это название относилось только к землям восточнее Березины, тогда как упомянутый старобелорусский язык употреблялся в основном на более западных территориях. Мы имеем дело с типичной националистической модернизацией Средневековья, признаваемой нормальным явлением для открыто идеологических текстов, но не для академических изданий. Помимо этого, при таком подходе нынешнее повсеместное распространение общерусской литературной нормы может быть представлено только как результат тотальной «русификации» (в значении «москвизации»), что абсурдно с исторической точки зрения, но вполне объяснимо с идеологической.

⁹⁵ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 404–405.

⁹⁶ См.: Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. С. 86.

Роль России

Тема негативной роли России проходит фоном по всей книге и прослеживается авторами на протяжении всей истории.

Национальной катастрофой для белорусов стали войны, «привнесённые извне на белорусские земли» в середине XVII в. Никакой речи об освободительном движении православного восточнославянского населения Речи Посполитой нет, российско-польская война трактуется как агрессивная завоевательная кампания Москвы против белорусской исторической государственности. «Война, которую начал русский царь Алексей Михайлович с целью присоединения к Московскому государству белорусских и украинских земель... поставила на грань выживания белорусский этнос»⁹⁷. Авторы говорят об «оккупации практически всей территории Беларуси» московским войском⁹⁸. Более того, время перемирия «царская военная администрация использовала для насильственного переселения белорусского населения в пределы Московского государства» (такие действия вполне соответствуют современному понятию этноцида). Российские помещики «силой вывозили крестьян и ремесленников из захваченных белорусских земель в свои поместья», в результате «население Беларуси не только уменьшилось количественно, но и изменилось качественно»⁹⁹. Российская помощь в национально-освободительной войне, как это описывалось в старой историографии, оборачивается российской кампанией по массовому порабощению белорусов.

Такое описание московского фактора ярко контрастирует с весьма позитивными характеристиками белорусско-польских отношений и в целом государственности Речи Посполитой. Очевидна поставленная перед авторами задача описать историю этой «исторической формы белорусской государственности» как довольно мирную, внутренне неконфликтную, основные проблемы которой исходили извне – от Москвы. В книге вообще ничего не сказано о запретах православия, о фактах жестокой борьбы властей и униатов с Православной церковью. Зато говорится, что «терпимость, особенно в религиозной сфере, утверждалась одной из составляющих политической доктрины общества XVI – середины XVII в.»¹⁰⁰. Относительно первой половины – середины XVI в. с этим ещё можно было бы отчасти согласиться (по крайней мере применительно к светским

⁹⁷ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 438.

⁹⁸ Там же. С. 439.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 412.

властям), однако странно распространять такое утверждение на эпоху Контрреформации и запрета православия. По всем данным, это была эпоха крайней религиозной нетерпимости и насилия, вылившаяся в религиозные по сути войны времён Хмельниччины. В другом месте, кстати, об указанной проблеме говорится вполне открыто: «Наибольшего напряжения межконфессиональная борьба достигла во время казацко-крестьянской войны 1648–1651 гг.»¹⁰¹. Кстати, эта тема отличается особенно противоречивыми утверждениями авторов. Так, ещё в одном параграфе читаем: «В Беларуси же в середине XVII в. не было открытого межконфессионального противостояния»¹⁰².

Весьма показательно, что в книге не нашлось места упоминанию (не то что серьёзному описанию) участия «белорусской шляхты» в походах на Москву в период российской Смуты. Такой страницы просто нет в новом курсе истории.

На подобном фоне особенно ярко выглядят описания того огромного вреда, который нанесло православию и белорусской культуре присоединение в 1686 г. Киевской митрополии к Московскому патриархату. После этого события «московские власти начали заявлять, что они имеют право вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой для защиты прав православных»¹⁰³, что привело к существенному укреплению позиций униатской церкви, и именно благодаря этому к началу XVIII в. она стала самой массовой конфессией в Белоруссии¹⁰⁴. Кроме того, политика Москвы по поддержке православных способствовала радикальному ущемлению православной шляхты и мещан в политических правах и повлекла за собой упадок белорусской культуры¹⁰⁵: «Опасение, что православные, занимающие высокие государственные должности в Речи Посполитой, могут проводить здесь промосковскую политику, привело к тому, что в 1673 г. сейм лишил православных права получать шляхетство, а в 1699 г. – занимать выборные магистратские должности»¹⁰⁶. Так, действия именно Москвы, а не Варшавы привели к тяжёлому кризису в «процессах политического оформления белорусской нации»¹⁰⁷.

Негативная роль Москвы ярко иллюстрируется и событиями XVIII в. Вновь катастрофическими были последствия агрессии Петра I.

¹⁰¹ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 425.

¹⁰² Там же. С. 438.

¹⁰³ Там же. С. 415.

¹⁰⁴ Там же. С. 426.

¹⁰⁵ Там же. С. 427.

¹⁰⁶ Там же. С. 443.

¹⁰⁷ Там же. С. 427.

«Период мирного развития и хозяйственного возрождения после войн второй половины XVII в. был прерван Северной войной 1700–1721 гг. <...> Белорусские города и деревни оказались вновь опустошёнными и разрушенными... Беларусь снова утратила третью часть своего населения», а белорусский этнос вновь оказался «на грани исчезновения»¹⁰⁸.

Поддержка Россией «религиозных диссидентов» в Речи Посполитой описывается как вынужденное, связанное с союзническими обязательствами перед Пруссией содействие¹⁰⁹. В помощи православным Россия якобы была совершенно не заинтересована, что доказывается ссылкой на Никиту Панина. Россия с союзниками блокировала проведение важных реформ, направленных на оздоровление политической системы и восстановление международного престижа государства, а диссидентский вопрос «помог России установить контроль над политической системой Речи Посполитой»¹¹⁰.

Во всём тексте тома не нашлось ни одного случая позитивной оценки влияния Москвы или положительных последствий каких-либо её политических действий. Напротив, какие бы шаги Москва ни предпринимала – воевала ли за приграничные области, покровительствовала ли православному населению, – в любом случае результаты этого оцениваются как совершенно катастрофические для белорусов¹¹¹. Несомненно, что такое однобокое и откровенно предвзятое описание российско-белорусских отношений имеет чисто идеологическую мотивацию и направлено на формирование у читателей стойкой неприязни к России. Любая же общность с Россией и русскими полностью отрицается – в любых столетиях и любых аспектах.

Антироссийское восстание Т. Костюшко 1794 г. в описании авторов приобрело широкий народный характер. Например, утверждается, что крестьянское участие в нём достигало 50 % от общей численности участников¹¹². Оно имело, таким образом, скорее общенародную, чем сословно-шляхетскую природу. Авторы подчёркивают, что «при каждом из трёх разделов Речи Посполитой оказывалось сопротивление (в том числе вооружённое) со стороны патриотически

¹⁰⁸ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 441.

¹⁰⁹ Там же. С. 528.

¹¹⁰ Там же. С. 532.

¹¹¹ В этом плане вызывает некоторое удивление, что в тексте данной работы не нашло своего места традиционное ещё для историографии XVI–XVII вв. и не ушедшее в прошлое описание жестоких расправ войск Ивана Грозного над населением Полоцка после его взятия в 1563 г. Скорее всего, это просто недоработка.

¹¹² История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 554.

настроенной части общества». «Борьба за сохранение и реформирование Речи Посполитой... свидетельствовала о том, что против её разделов выступала значительная часть населения»¹¹³. Примечательно, что о белорусах именно в этой главе почти не говорится, они как бы растворяются в патриотически настроенном населении.

Такая позитивная по отношению к Речи Посполитой позиция обусловлена двумя ключевыми факторами. Во-первых, принципом лояльности к «историческим формам белорусской государственности», утверждение которой является важнейшей идеологической доминантой рассматриваемого труда; во-вторых, другой его задачей – подчеркнуть негативную роль России в истории Белоруссии во всех столетиях и утвердить отсутствие какой-либо этнокультурной общности между белорусами и русскими.

Умолчания

В тексте первого тома «Истории белорусской государственности» удивляет не только то, что написано, но и то, о чём вообще не упомянуто. А это крупные и очень значимые страницы местной истории.

Например, сокращена до минимума информация о заключении Брестской церковной унии и её последствиях: она вся уместается на двух страницах¹¹⁴ и в очень спорном упоминании, что «большинство православных епископов во главе с митрополитом Михаилом Рогозой перешли в униатство»¹¹⁵. И у современников этих событий, и у историков имеются гораздо более сложные соображения относительно процесса заключения Брестской унии и массового участия в ней духовенства. Вряд ли представленное описание данного события хоть сколько-нибудь объясняет дальнейший накал противостояния между православными и униатами, однако такая неосторожность в представлении материала является скорее следствием того, что событие в целом признано авторами не очень значимым и потому не требующим детального рассмотрения. Между тем III Статуту ВКЛ посвящено 33 страницы¹¹⁶.

Упоминание о Базилианском ордене встречается в томе лишь однажды (базилиане присутствовали на Замойском соборе 1720 г.¹¹⁷), но нет ни слова о том, что это за орден, когда и почему возник.

¹¹³ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 558.

¹¹⁴ Там же. С. 401–403.

¹¹⁵ Там же. С. 423.

¹¹⁶ Там же. С. 443–466.

¹¹⁷ Там же. С. 403.

О столь значимом явлении истории, как православные братства, не говорится почти ничего, разве что сказано о «вытеснении их из городов» в XVIII в.¹¹⁸ Игнорируются такие важные фигуры политической, церковной и культурной истории, как Мелетий Смотрицкий, Ипатий Потей, Иосиф Веламин-Рутский, Пётр Могила и многие другие. Наверное, не случайно бóльшая часть истории (с древних времён до конца XVIII в.) помещена в одном из пяти томов издания. Идеологически описание этой части белорусской истории признаётся либо незначительным, либо опасным, что и объясняет скомканное изложение и огромное количество умолчаний.

Игра с именами

Стоит обратить внимание и на некоторую специфику форм имён собственных, употребляемых авторами первого тома пятитомника. Например, Древняя Русь именуется ими исключительно как «Киевская Русь». Трудно сказать, является ли это простым следованием традиции российской историографии XIX в. (воспринятой также в СССР) или же вызвано акцентированием «украинского» характера этой государственности. Вполне возможен второй вариант, так как не замечать политизации данного историографического термина в настоящее время профессиональные историки вряд ли могут, а при признании древнего существования белорусского и украинского народов такая трактовка является вполне естественной.

Для обозначения населения используются различные наименования. Очевидно, редакторы решили не приводить их к единообразию. Встречается и форма «белорусы», и изменённое в соответствии с правилами белорусского языка написание «беларусы»¹¹⁹, и «русины»¹²⁰ в том же значении. Что касается прилагательных, то здесь тоже нет единства: в томе встречаются и «русские земли»¹²¹ (например, о «Новогрудской, Полоцкой и др. землях»), и «русские», с одной «с», причём этот вариант превалирует. Если термин «русские» заключён в кавычки, это можно объяснить его написанием по-белорусски, однако в ряде случаев он даётся без кавычек, что говорит о политически мотивированном нарушении русской грамматики (если, конечно, не считать, что эта форма образуется от корня «ру»). При этом «русский» больше употребляется по отношению к России, а «русский» – к Белоруссии. Так, в одном фрагменте текста речь идёт

¹¹⁸ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 410.

¹¹⁹ Там же. С. 412–413.

¹²⁰ Там же. С. 452.

¹²¹ Там же. С. 245.

о войнах «между Московско-Русским и Литовско-Русским государствами»¹²². Убирая из корня «с» либо сознательно пренебрегая нормами русского языка¹²³, авторы пытаются доказать, что один и тот же этноним в Восточной и Западной Руси на самом деле никакого тождества не имеет. Мы встречаемся с воспроизведением в академическом издании приёма, типичного для пропагандистской литературы крайне националистического толка. Такое словоупотребление искажает русский язык в целях противопоставления одних носителей русского самосознания другим¹²⁴.

Случаем скорее безграмотного, чем политически ангажированного употребления можно признать встречающееся в тексте прилагательное «русинский» (например, в сочетании «русинская шляхта»¹²⁵). Грамматически правильная и исторически корректная форма прилагательного, образованного от слова «русин», – «русский» (аналогично «болгарин» – «болгарский»). Форма «русинский» появилась в связи с развитием в XX в. движения самоопределения в Закарпатье, выбравшего своим национальным именем «русины» в качестве обозначения не только мужчин, но и всей общности (соответственно, вместо «русский» – «русинский», вместо «руска» – «русинка»).

Один пример отлично иллюстрирует номинационную кашу в тексте книги: в этом месте речь идёт о «конкуренции за первенство в государстве между литовской (жемойтской) и белорусской (русской, русинской) аристократией»¹²⁶. Трудно понять, почему в это перечисление не добавлены другие употребляемые варианты – «белорусский», «беларуский» и т.д., равно как и чем объясняется совмещение в одном предложении этнонимов с двумя и с одной «с». К слову, часто встречающееся сочетание «старобелорусский язык» почему-то ни разу не был грамматически исковеркан, что, наверное, сделано просто по недосмотру.

Наименование России «Московией», а её жителей – «московитами»¹²⁷ можно оправдать данью польской традиции, однако вызывает

¹²² История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 342.

¹²³ Кстати, эта же операция по сокращению корня на согласную, что и в форме «русский», зачем-то применена и к социанинству – религиозному учению, основанному Фаустом Социном. Оно в книге получило название «социанство» (с. 412).

¹²⁴ Подробнее об этом см.: *Неменский О.Б.* Проблемы исторической номинации Западной Руси // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008.

¹²⁵ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 414.

¹²⁶ Там же. С. 41.

¹²⁷ Там же. С. 354, 358.

удивление обозначение слова «Жмудь» формой «Жемойтия» (изредка – «Жемойть»¹²⁸). Это напрямую перенесённое из белорусской языковой нормы название в русском языке вообще не употребляется. Впрочем, в работе встречаются и более приемлемая для русского языка форма «Жемайтия»¹²⁹, и традиционное название «Жмудь»¹³⁰. Вызывает непонимание то, зачем привычное и освящённое традицией наименование ВКЛ как «Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского» на протяжении всего текста исковеркано до «Великого Княжества Литовского, Руского и Жемойтского».

Очевидно, мы имеем дело с попыткой ввести в русский язык белорусские слова, и трудно не заподозрить в этом идеологический подтекст. Авторы как бы отрицают привычный для русской культуры мир исторических имён, подчёркивая тем самым своё стремление оторваться от русской историографической традиции даже за счёт безграмотного словоупотребления. Такая инвазия белорусской лексики прослеживается и в ряде других случаев. Старая русская форма имени Сигизмунд (*польск.* Zygmund) в книге заменяется на «Жигимонт». А столица ВКЛ в географическом указателе дана в трёх вариантах – Вильня, Вилня, Вильнюс, но ни разу не приведена в русскоязычной традиции – «Вильна»¹³¹, хотя в самом тексте и такая форма употребляется.

В целом мы видим, насколько белорусская наука пока далека от выработки своего языка описания отечественной истории. Многочисленные формы, включая откровенно безграмотные вариации, соседствуют друг с другом, внося сумятицу в словоупотребление. Однако за такой неаккуратностью в терминах нетрудно усмотреть и вполне очевидную политическую мотивацию.

Между Востоком и Западом

Ещё один очень важный аспект, напрямую задающий формы современной идентичности, касается определения авторами тома цивилизационной природы Белоруссии. Точнее, в уходе от такого определения. Белорусский народ представляется живущим на «цивилизационном разломе»¹³². Авторы ещё во Введении отказываются от того, чтобы приписывать белорусской культуре свойства какой-то определённой цивилизации: «Сегодня чрезвычайно важно укреплять в белорусском обществе мысль не об особой “белорусской

¹²⁸ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 555.

¹²⁹ Там же. С. 245.

¹³⁰ Там же. С. 238.

¹³¹ Там же. С. 579.

¹³² Там же. С. 4.

цивилизации”, а утверждать в сознании людей сущность и эволюцию духовно-культурных ценностей белорусского народа»¹³³. Эти ценности, на взгляд авторов, формируются фактом «размещения Великого Княжества Литовского на стыке западной и восточной цивилизаций»¹³⁴ с «сочетанием западного и восточного начал»¹³⁵ в белорусской культуре. «Геополитическое положение Беларуси на перекрёстке Европы, на цивилизационном духовно-культурном разломе между Востоком и Западом» определяло то, что страна «постоянно испытывала то западное, то восточное цивилизационное давление»¹³⁶. Собственного цивилизационного лица у Белоруссии, таким образом, не существует, она определяется как регион культурного пограничья. Подобный взгляд во многом предопределён избранным подходом – ведь в этой книге даётся описание не истории народа, а истории государственности, а культура, естественно, имеет именно народную привязку.

Таким образом, белорусы не признаются частью той же цивилизации, что и русские в России, хотя и частью Запада также пока не объявляются. Обращает на себя внимание и воспроизводство авторами применительно к России ориентализирующих понятий, принятых в польской историографии¹³⁷.

Понятно, что уход от самоопределения в области цивилизационной идентичности на деле может облегчить признание белорусов частью западной цивилизации. Эта историческая концепция, отстаиваемая менее официозными представителями белорусской историографии, имеет очень древние корни – ещё в работах ранних униатских писателей¹³⁸ – и к настоящему времени довольно подробно разработана. Хотя в рассматриваемом труде утверждение цивилизационной границы между русскими и белорусами (ставшее уже банальным для современной украинской историографии) пока не обозначено.

¹³³ История белорусской государственности: В 5 т. Т. I. С. 3.

¹³⁴ Там же. С. 312.

¹³⁵ Там же. С. 408.

¹³⁶ К вопросу об исторической политике. С. 8–9.

¹³⁷ Подробнее об этом см.: *Неменский О.Б.* Русофобия как идеология // *Вопр. национализма.* 2013. № 1 (13). С. 34–37.

¹³⁸ См. об этом: *Неменский О.Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин: Зб. наук. праць / Під ред. В.А. Смоля.* Київ, 2003. С. 409–434; *Неменский О.Б.* Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Белоруссия и Украина. История и культура.* Ежегодник. 2005/2006 / Гл. ред. Б.Н. Флоря. М., 2008. С. 61–74.

Декларации и реальность

В сопровождающей выход пятитомника статье, кратко представляющей его содержание для читателей основного издания Администрации Президента РБ журнала «Беларуская думка», сформулирован ряд тезисов, против которых выступают авторы. Речь идёт о «приёмах искажения исторического прошлого белорусского народа», нагнетающих противостояние в общественном сознании. Среди длинного списка таких приёмов перечислены следующие: «отрицание общих корней белорусов, русских, украинцев»; «использование фактов и событий войн между ВКЛ и Московским государством, а также между Речью Посполитой и Россией для противопоставления белорусов и русских»; «трактовка истории Речи Посполитой в исключительно положительном свете с пропольских позиций с акцентированием цивилизаторской миссии поляков», «трактовка разделов Речи Посполитой как трагедии утраты государственности белорусов»¹³⁹. Подобные взгляды объявляются неприемлемыми, так как противоречат основной задаче издания – консолидации белорусского общества.

Однако всё то описание истории белорусской государственности, которое на деле представлено в труде, воспроизводит все эти трактовки, а не опровергает их.

Авторы «Истории белорусской государственности» выступают против теории «единой колыбели трёх восточнославянских народов» – древнерусской народности, отрицают и совместное прошлое с русскими и украинцами в одном Древнерусском государстве. Они открыто объявляют себя продолжателями тех трактовок истории, которые были заданы польскими историками XIX в., посвящая при этом немало места жёсткой критике старой российской и советской историографий. Всю историю отношений с Россией они описывают как однозначно враждебную и в основном сводят её к агрессивным действиям Москвы, неизменно приводившим к катастрофическим последствиям для белорусов. Акцент неизменно ставится на задачах отстаивания суверенитета и всесторонней защиты Белоруссии от Москвы.

На фоне этого отношения с Польшей описываются как неконфликтные и в целом полезные для развития белорусского народа и становления его государственности. Москва предстаёт «наиболее опасным соседом», а вот об агрессии со стороны Польши, о варшавской политике по искоренению православной веры и традиционных форм восточнославянской культуры не говорится ни слова. Наоборот,

¹³⁹ К вопросу об исторической политике. С. 8–9.

Речь Посполитая преподносится как очень толерантное государство, а все беды её православного населения исходят от политики Москвы по его защите¹⁴⁰, так что неудивительным становится якобы массовое крестьянское участие в восстании Т. Костюшко против разделов Речи Посполитой. Отрицается и цивилизационная общность с русскими – речь идёт лишь о влияниях «Востока и Запада» на белорусскую контактную зону, при этом из изложения вполне очевидно, какое из них в целом признаётся позитивным, а какое – сугубо негативным.

Отличие представленной версии белорусской истории от разработанной радикально-националистическими историками состоит только в том, что белорусы не объявляются частью именно западной цивилизации и не считаются славянизированными балтами. Во всём остальном заметно тождество. Рассматриваемое издание также можно признать окончательным разрывом с той линией белорусской историографии, которую представлял учитель А. Г. Лукашенко профессор Яков Иванович Трещенок¹⁴¹.

Авторы следуют всем тем принципам, которые сами же обозначили как «приёмы искажения исторического прошлого». Они полностью отрицают общие корни белорусов, русских и украинцев; активно используют факты и события войн между ВКЛ и Московским государством, а также Речью Посполитой и Россией для противопоставления белорусов и русских; они трактуют историю Речи Посполитой исключительно в положительном свете с пропольских позиций с акцентированием цивилизаторской миссии поляков, а разделы Речи Посполитой преподносят как трагедию утраты «исторической государственности» белорусов. Если следовать основному посылу статьи в «Беларуской думке», то необходимо признать, что издание направлено против задач по консолидации белорусского общества и на нагнетание противостояния в общественном сознании белорусов через искажение исторического прошлого. Разница только в том, что в статье текст книги не критикуется, а, наоборот, хвалебно представляется обратным своему реальному идейному наполнению.

Как так получилось, что содержание книги прямо противоположно заявленным авторами в журнале «Беларуская думка» идейным принципам?

¹⁴⁰ Трудно не увидеть здесь прямую параллель с официальной пропагандой современной Украины по вопросу о защите прав русскоязычного населения.

¹⁴¹ См.: *Трещенок Я.И.* История Беларуси: В 2 ч. Ч. 1: Досоветский период. Могилёв: МГУ им. А. Кулешова, 2004. См. также: *Трещенок Я.И.* Государственная идеология и национальная идея Республики Беларусь. Могилёв: МГУ им. А. Кулешова, 2006. 134 с.

Объяснение, как представляется, кроется в том, что в деле поиска национального взгляда на отечественную историю белорусское общество остаётся расколотым и значительные противоречия наблюдаются именно в сфере отношений интеллигенции и государственной власти. Своеобразным и очень ярким выражением такой ситуации и является новая «История белорусской государственности».

Список литературы

1. Данилович В. Концепция истории белорусской государственности // Наука и инновации. 2018. № 11 (189). С. 9–15.
2. История белорусской государственности: В 5 т. / Ин-т истории НАН Беларуси; гл. ред. А.А. Коваленя. Минск: Беларуская навука, 2018–2020.
3. История белорусской государственности: В 5 т. / Ин-т истории НАН Беларуси; гл. ред. А.А. Коваленя. Т. I: Белорусская государственность: От истоков до конца XVIII в. / Отв. ред. В.Ф. Голубев, О.Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2018. 600 с.
4. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя, В. Арчаков, В. Данилович, А. Баньковский // Беларуская думка. 2019. № 8. С. 3–11.
5. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М.: Время, 2003. 560 с.
6. Лукашенко А.Г. О состоянии идеологической работы и мерах по её совершенствованию: Докл. 27 марта 2003 г. // О состоянии идеологической работы и мерах по её совершенствованию: Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003.
7. Неменский О.Б. Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кривы // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2005/2006 / Гл. ред. Б.Н. Флоря. М., 2008. С. 61–74.
8. Неменский О.Б. История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кривы // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин: Зб. наук. праць / Під ред. В.А. Смоля. Київ, 2003. С. 409–434.
9. Неменский О.Б. Проблемы исторической номинации Западной Руси // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008.
10. Неменский О.Б. Союз поневоле. Люблинская уния: «братские узы» агрессора и жертвы // Информ. войны. 2012. № 2 (22). С. 59–68.
11. Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко журналистам российских региональных средств массовой информации 17 октября 2014 г. // Президент Республики Беларусь. Офиц. сайт. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-zhurnalistam-rossijskix-regionalnyx-sredstv-10025/ (дата обращения: 24.03.2020).

12. *Трещенок Я.И.* Государственная идеология и национальная идея Республики Беларусь. Могилёв: МГУ им. А. Кулешова, 2006. 134 с.
13. *Трещенок Я.И.* История Беларуси: В 2 ч. Ч. 1: Досоветский период. Могилёв: МГУ им. А. Кулешова, 2004. 296 с.
14. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
15. *Флоря Б.Н.* Образование Великого княжества Литовского в официальной историографии этого государства XVI в. и в представлениях современных белорусских учёных // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3 (72). С. 174–182.
16. *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени // Россия – Украина: История взаимоотношений / Отв. ред. А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1997. С. 9–28.
17. *Шевцов Ю.В.* Объединённая нация. Феномен Беларуси. М.: Европа, 2005. 256 с.